

Е. А. Бакланова

Обзор работ о заимствованиях в тагальском языке

Санскритские, а особенно китайские и другие азиатские элементы в тагальском языке (арабизмы, малайзмы, яванизмы, возможные заимствования из тамильского, японского и тайского языков) до настоящего времени недостаточно изучены. По-видимому, в первую очередь это связано с тем, что азиатские лексемы составляют наиболее ранние, давно ассимилированные тагальским языком пласты заимствований. Гораздо больше исследований посвящено анализу испаноязычного и англоязычного влияния на филиппинские языки. Ниже представлен обзор основных работ, с которыми автору удалось ознакомиться в процессе изучения различных аспектов заимствований в тагальском языке¹.

Китайские заимствования

Хотя на протяжении уже многих веков в различных сферах жизни филиппинцев ощущается активное китайское влияние, до сих пор сравнительно мало исследований было посвящено

¹ Автор искренне благодарит В.А. Макаренко, С.В. Кулланду, Д. Сорка, Э. Константино за ценные замечания и ряд материалов, предоставленных для исследования.

его результатам в области местных языков, в частности тагальского.

Первой из известных нам лексикографических работ, уделивших внимание китаизмам в тагальском языке, стал Словарь тагальского языка испанских миссионеров Хуана де Носеды и Педро де Сан Лукара (впервые опубликован в 1754 г.) [Noceda, San Lucas 1860]. По крайней мере 12 лексем авторы словаря с уверенностью возводят к китайскому языку (приводится по: [Manuel 1948: 2]). В 1914 г. лексикограф Педро Серрано Лактау выпустил Тагальско-испанский словарь, в котором привел еще 11 китаизмов, помимо найденных у Носеды и Сан Лукара [Laktaw 1914]. Англо-тагальский словарь Хосе Вильи Панганибана выделяет около десятка слов в качестве китайских заимствований. В предисловии к словарю, однако, автор говорит о наличии в тагальском около 1500 китаизмов [Panganiban 1946].

Небольшие списки китаизмов были составлены такими филиппинскими исследователями, как Рафаэл В. Онгкеко (дал этимологический анализ 56 слов), Пас Т. Каррион (привела ок. 50 слов, в основном терминов, связанных с пищей), Лоур Чи Уанг (52 китаизма), Лоретта Чионг (44 термина, связанных с пищей) и др.² [цит. по: Manuel 1948: 127–139]. «Отец филиппинской лингвистики» Сесилио Лопес в статье «Иностранное влияние в тагальском языке» [Lopez 1944] дал списком 31 китаизм, в том числе девять терминов родства, десять наименований пищи, шесть наименований предметов домашнего обихода.

Одним из немногих трудов, полностью посвященных китайским элементам в тагальском языке, является монография Эсперидиона Арсенио Мануэля [Manuel 1948]. Автор проделал большую работу по анализу и систематизации тагальских китаизмов, найденных им и другими исследователями, привлекая филиппинских и китайских респондентов для уточнения полученных языковых данных. Лексемы, с уверенностью отнесенные к китаизмам, собраны во второй главе монографии (381 лек-

² Rafael V. Ongkeco. Chinese Words in Tagalog. Manila, 1916; Paz T. Carrion. List of Diffused Chinese Traits in the Tagalog Vocabulary // MS. 1933. November, 3; Lour Chie Wang. Tagalog Words of Chinese Origin // MS. 1941. August, 11; Loretta Cheong. Chinese Names of Foods and Culinary Terms Adopted in Tagalog // MS. 1945. November, 16.

сема); 60 корней, идентифицируемых им как с китайскими, так и с австронезийскими формами, даны в третьей главе. В четвертой автор привел тагальские лексемы, корни которых, по его мнению, восходят к китайским моносиллабам (около 25 тагальских слов, по его мнению, образованы только путем удвоения китайских моносиллабов!). Э.А. Мануэль выдвигает предположение о развитии примитивных филиппинских языков из моно- в полисиллабические, однако это мнение опровергается многими исследователями. Так, еще Ян Гонда отмечал, что «около 96 % корней, возводимых к протоиндонезийскому языку (Original Indonesian), двусложны, а в современном яванском более 85 % из них дисиллабичны» [Gonda 1952: 3]. В тагальском как одном из индонезийских языков также преобладают дисиллабы.

Основной части исследования Мануэля предпослано введение, написанное известным историком Х. Отли Бейером, в котором освещен вопрос исторических контактов Филиппин с Китаем, а также другими странами с древнейших времен.

В указанной работе А. Мануэля заимствования из различных южнокитайских диалектов, к сожалению, не разграничены — по замечанию филиппинского лингвиста Глории Чан Яп, «это было бы слишком сложным заданием для неговорящего на китайском языке» [Chan Yap 1973: 48]. В своей статье «Звуковые изменения в тагальских словах китайского происхождения» она отнесла большинство приведенных Мануэлем китаизмов к южнокитайскому диалекту хакка. В работе Г. Чан Яп предложен и подкреплён лексическим материалом анализ различных фонетических процессов, которым подвергались китайские лексемы при переходе в тагальский язык: «слияние» (очевидно, имеется в виду нейтрализация противопоставлений некоторых китайских фонем в тагальском языке); «расщепление» (восприятие тагалами китайской фонемы как комбинации двух и более фонетических элементов); монофтонгизация; замена гласных; метатеза; а также вставка полугласных, элизия гласных и др.

Санскритские заимствования

Возможно, первым исследованием, посвященным санскритизмам в тагальском, стала статья известного голландского ин-

долога XIX в. профессора Лейденского университета Хейнрика Керна «Санскритские слова в тагальском языке» [Kern 1880]. Основная часть работы представляет собой список тагальских корневых слов, каждому из которых подобран его наиболее вероятный оригинал из санскрита. Для многих заимствований приводятся соответствующие им санскритизмы из малайского, яванского (или древнеяванского) языков, данные в их оригинальном написании. Список содержит более 100 тагальских санскритизмов.

В 1887 г. свет увидели две испаноязычные работы — «Сравнительные исследования тагальского языка и санскрита» Торибино Мингельи-и-Арнедо [Minguella y Arnedo 1887] и «Санскрит в тагальском языке» Т.Э. Пардо де Таверы [Tavera 1887]³. В своей работе Тавера привел и санскритизмы, не рассмотренные Х. Керном.

В 1903 г. американский лингвист Фрэнк Р. Блейк сделал доклад [Blake 1918]⁴, в котором рассмотрел основные виды фонемозамен, происходивших при переходе санскритской лексики в тагальский язык, а также классифицировал санскритизмы по нескольким наиболее крупным семантическим категориям: 1) слова, относящиеся к местным языческим верованиям и суевериям; 2) титулы благородных; 3) названия растений и животных; 4) слова для обозначения крупных чисел; 5) термины, описывающие ментальную деятельность; 6) формулы письменного языка [Ibid: 64–65].

Одно из самых значительных исследований о заимствованиях — это труд голландского индонезиста Яна Гонды «Санскрит в Индонезии» [Gonda 1952]. Работа представляет собой глубокий анализ всех основных вопросов, связанных с проникновением санскритских элементов в языки Индонезии, а также — отчасти — в другие языки западной ветви

³ К сожалению, работы оказались недоступны нам по причине их давности и малого тиража. Некоторые фрагменты из работы де Тавера содержатся, например, в трудах Х. Керна [Kern 1880], Х. Франсиско [Francisco 1971].

⁴ Статья содержит извлечения из доклада, представленного на конференции Американского Востоковедческого Общества в Балтиморе в апреле 1903 г.

малайско-полинезийской семьи, в том числе филиппинские [Ibid: 52–57, 74–76].

Существенное внимание в работе Я. Гонды уделено тагальскому языку. Автор насчитывает в нем около 250 индийских заимствований, отмечая, что число санскритизмов в основных языках Филиппинских островов резко контрастирует с их малым количеством в языках Северного Целебеса, которые в других аспектах тесно связаны с филиппинскими: «Единственно возможное объяснение этому мы видим в предпочтении, которое древние навигаторы из Камбоджи и с Архипелага отдавали филиппинскому морскому пути» [Ibid: 53].

В числе 482 «малаккских малайских» слов из раннего китайского списка XV – нач. XVI в.⁵ Я. Гонда выделил около 16 санскритизмов [Ibid: 37], часть которых мы находим и в тагальском языке, напр.: скт. *koṭa* «крепость, твердыня, оплот» > **kota* «город, городская стена», мал. *kota* «крепость, укрепление, укрепленная деревня», таг. *kutà* «крепость, бастион, вал»; скт. *nāga* «змея; гора; дерево, растение» > **naga* «дракон», таг. *naga* «дракон; разновидности дерева нарра; носовое украшение на корабле»; скт. *hamsa* > **ańsa*, мал. *ańsa*, таг. *gansá* «гусь» и др.⁶

В 1962 г. в венском журнале «Anthropos» была опубликована статья лингвиста М.Э. Ферстраэлена «Сдвиги звуков в некоторых диалектах Филиппин» [Verstraelen 1962]. Для сравнительного анализа сдвигов согласных (*g*, *r*, *d*, *l*) в тагальском,

⁵ Этот список был опубликован в: [Edwards, Blagden 1930–1932: 715ff].

⁶ Нас заинтересовал приведенный в списке малайский санскритизм **menteri* «глава, шеф, господин» [< скт. *mantri* «советник царя, министр»], возможно, являющийся источником таг. *manatili* «господствовать; преобладать»: *manatili* употребляется как глагол итеративного вида на *mang-*, но не удается выделить его основу (корневых морфем типа *satili*, *n/t/s/d-atili* не существует ни самостоятельно, ни в составе других производных). Различные авторы в качестве корня этого глагола дают *tili* [Rubino 2000; English 1986], однако этот вариант представляется сомнительным, т.к. в тагальском языке нет приставки *mana-*, а корневая морфема *tili* означает «крик, визг», либо «удивление, столбняк». Мы предполагаем, что именно **menteri* «глава, шеф, господин» после закономерных фонетических изменений было усвоено тагальским в виде *manatili* с последующей гиперинтерпретацией сегмента *tili* как корня.

илоканском, бисайских и других филиппинских языках исследователь привлек обширный материал санскритизмов, показав, в частности, вероятность значительного влияния яванского языка на тагальские заимствования из санскрита [Ibid: 853–854].

Большое внимание проблеме санскритских заимствований в филиппинских языках уделил проф. Университета Филиппин Хуан Франсиско. В одной из статей своего сборника «Филиппины и Индия» он полемизирует как с Керном, так и с Таверой по вопросу происхождения некоторых из приведенных в их работах тагальских слов [Francisco 1971: 141–155]. В той же работе автор частично приводит нестандартную транслитерацию санскритского письма деванагари у Таверы, который пользовался санскритско-французским словарем Эмиля Бюрнуфа [Burnouf 1866], в соответствии с ныне принятой транслитерацией, чем значительно облегчает работу других исследователей с материалами, представленными у Пардо де Таверы [Ibid: 143–145]. В другой работе — «Санскритские заимствования в филиппинских языках» [Francisco 1973] — для более 250 лексем из санскрита автор нашел соответствующие формы в различных филиппинских и малайском языках-реципиентах. Х. Франсиско классифицировал известные ему санскритизмы: шесть основных лексических групп, выделенных Блейком, выросли в его исследовании до 17-ти.

Тайский исследователь Чинда Нгамсутди посвятил кандидатскую диссертацию санскритизмам в тайском и тагальском языках, проанализировав основные сферы заимствования для этих реципиентов, а также особенности усвоения ими инолексем (в основном их фонетическую ассимиляцию). Так, в отношении акцентуации санскритских форм в тагальском языке автор отметил, что «если долгий гласный слога редуцируется в тагальском, ударение падает на этот слог, напр.: скт. *vahā* > таг. *bahâ* «наводнение», скт. *jīva* > таг. *diwà* «душа, дух, сущность» [Ngamsutdi 1983: 97].

Другие азиатские заимствования

Меньше внимания уделено лексемам, заимствованным из таких языков, как арабский, малайский, яванский, а также тамильский, японский, тайский и др. В случае с тремя последними это,

видимо, в большой степени продиктовано непродолжительностью и, как следствие, незначительностью их влияния на тагальский. Так, нам пока не удалось найти работы, посвященные тайским или японским заимствованиям в тагальском языке.

Вопрос тамилизмов также требует дополнительного изучения. Некоторые исследователи отчасти уже обращались к нему. Например, Ян Гонда в вышеупомянутой монографии «Санскрит в Индонезии» рассматривал возможные тамилизмы в индонезийских языках [Gonda 1952: 89–100].

В 1964 г. в журнале «Tamil Culture» была опубликована статья отечественного филолога-востоковеда и филиппиниста доцента Московского университета В.А. Макаренко, посвященная данной проблеме [Makarenko 1964]. В ней автор выдвинул предположение, что определенное количество санскритских слов могло проникнуть в тагальский язык именно из тамильского, в котором некоторые из них широко используются, или через него [Ibid: 6].

Хуан Франсиско также посвятил этому вопросу статью [Francisco 1965], в которой, в частности, привел 10 тагальских слов возможного тамильского происхождения. Однако включенная им в список лексема *atip* «крыша из травы или пальмовых листьев» (? < драв. *atta* «чердак, верхний этаж», от \sqrt{ad} «класть один предмет на другой») является, по-видимому, австронезийским корнем (ср.: яв. *atép*, мал. *atar*, бис. *atíp*, мак. *ata* «крыша») ⁷.

Другого мнения о появлении тамилизмов в тагальском придерживается Дэвид Сорк: во введении к своему Этимологическому словарю языка филипино он утверждает, что пока «нет доказательств, что какой-либо филиппинский язык заимствовал из санскрита, персидского, тамильского или арабского напрямую; все такие формы попали через малайский или языки Индонезии» [Zorc 1979: vi] ⁸.

⁷ Нам также не удалось найти в словарях таг. *kapal* со значением «корабль», возводимое Франсиско к там. *kappal* «корабль».

⁸ Не совсем ясно происхождение таг. *bilangbô* «заключенный; кандалы»: можно было бы предположить, что оно было усвоено из тамильского *vilāngu* «кандалы; др.», поскольку малайская форма содержит е — *belenggu* «кандалы». Однако источником может оказаться форма из брунейского диалекта малайского языка, в котором, согласно гипотезе Дж. Вулфа, малайский пепет обычно заменял на а [Wolff 1976: 352, footnote 14].

Филиппинский лингвист Х.В. Панганибан и австралийский лексикограф Лео Дж. Инглиш говорят о примерно 250 словах арабского происхождения в тагальском языке [Panganiban 1946: Introduction; English 1965: Introduction], однако в их словарях в качестве арабизмов приводится, по нашим подсчетам, не более десятка лексем. Нам не известна ни одна работа, посвященная непосредственно арабским лексемам в тагальском языке. Их исследование осложняется тем, что активнее всего эти заимствования проникали на Филиппины, вероятно, через Малайю. Ассимилированные малайским и другими индонезийскими языками лексемы, очевидно, в основном не противоречили структуре тагальского слова, и сейчас их трудно вычленить из собственно тагальского словаря.

Профессор Корнельского Университета Джон Вулф также отрицает возможность непосредственного проникновения заимствований из индийских и арабского языков в тагальский. В работе «Малайские заимствования в тагальском языке» он пишет: «В тагальском нет форм арабского происхождения, которые не имелись бы и в малайском языке. Более того, такие формы в тагальском всегда следуют любым малайским искажениям звучания или значения арабского слова» [Wolff 1976: 347]. В своей статье Дж. Вулф дал глубокий анализ малайского языкового влияния на тагальский. Автор определил критерии вычленения малайизмов из тагальского словарного состава, исключив возможность их проникновения в реципиент через другие филиппинские языки или яванский. Он также предложил свои таблицы звуковых соответствий для тагальского, малайского и яванского языков [Ibid: 346–350].

Рассматривая возможность периодизации проникновения заимствований из малайского в тагальский язык, Вулф предположил, в частности, что наличие в последнем форм санскритизмов с придыхательным *h* — *kathâ* «рассказ» < скт. *katha* «история, рассказ, произнесение» (мал. *kata* «рассказ; фраза»); *mukhâ* «лицо» < скт. *mukha* «лицо» (мал. *muka*) и др. — указывает на их ассимиляцию ранее XVI в., к которому относятся дошедшие до нас первые существенные памятники малайской письменности [Ibid: 351].

Автор насчитывает в языке по меньшей мере 300 малайизмов, плюс большое количество заимствований, не претерпевших за-

метных фонетических или семантических изменений, которые бы позволили выделить их из тагальского словаря. Число малайзмов, а также их базовая семантика указывают, по мнению Вулфа, на наличие в раннем филиппинском обществе большой и влиятельной группы тагало-малайских билингвов. Исходя из состава малайских форм в тагальском автор заключает, что в прошлом малайский обладал статусом престижного языка в манильском регионе [Ibid: 353–356].

Дж. Вулф дает в работе значительный список проанализированных им малайзмов и санскритизмов, распределенных по 14 семантическим классам [Ibid: 357–366].

Вычленение заимствований из общемалайского лексического фонда представляет определенную трудность для исследователей. Видимо, с этим связаны неточности и ошибки, допущенные в некоторых лексикографических работах. Так, словарь Тереситы Рамос [Ramos 1971] предлагает, по нашим подсчетам, 15 слов в качестве малайзмов (без указания форм-доноров). Однако не является малайзмом, например, таг. *sintá* «любовь (разн. рода); любимая», хотя этот санскритизм и был заимствован, очевидно, через малайский язык: таг. *sintá* < мал. *chinta* «посвящение дум, забот, любви кому-л., любовь, желание; скучать (по)» < скр. *cintā* «мысль, размышления, медитация, грезы» (ср.: хинди *cinto* «желание, домогательство»).

Испанские заимствования

В отличие от недостаточно освещенного вопроса азиатских заимствований в тагальском языке к проблеме испанского языкового влияния обращались в своих работах многие лингвисты, как филиппинские, так и зарубежные.

Некоторое количество ранних испанизмов вошло в уже упоминавшийся словарь Носеды и Санлукара [Noceda, San Lucar 1860]. Известный филиппинский филолог Лопе К. Сантос в статье «Язык филипино» [Santos 1903] также привел ряд заимствований из испанского языка, а в словаре Лактау [Laktaw 1914] этот список был расширен.

В 1961 г. была опубликована работа Х.В. Панганибана «Испанские заимствования в тагальском языке», где автор говорит о «5000 испанизмов основного словаря тагальского языка»

[Panganiban 1961: iii]. Списки ряда испанизмов организованы по словарному принципу, и работа в целом очень удобна для дальнейшего их анализа.

Однако вызывают возражения некоторые пункты предложенной им классификации лексем. Так, автор дал список основных звуковых и фонемных замещений, разделив их на три группы — А) «простые замены согласных», Б) «простые замены гласных», С) «смешанные формы». Но в последней группе оказались как виды фонетических изменений (элизия или вставка фонем, слогов, метатезы), так и морфологических (опрошение, неразличение рода и числа). Кроме того, к п. (1) этой группы — «Необычные замены согласных» — отнесены и регулярные замены: $d > r$ (напр., в *boda > bura*), $r > d$ (напр., в *acibar > asibád*), в интервокальной позиции являющаяся обязательной; $r > d$, в исходе слова типичная для заимствований, т.к. наличие финального *-r* противоречит нормам фонетического строя тагальского языка.

«Отец филиппинской лингвистики» Сесилио Лопес уделил немало внимания испанизмам в тагальском [Lopez 1936; 1941; 1944]. В работе «Испанский слой в тагальском языке» [Lopez 1973] представлен глубокий анализ различных аспектов усвоения испанизмов. Так, в разделе 2 (Тагальские фонемы и морфемы) автор отмечает:

«В исконно тагальских словах *i* и *e* являются аллофонами фонемы *i*; *u* и *o* — аллофонами *u*. С привнесением испанских заимствований стало необходимым создание оппозиций *i/e* и *u/o*, чтобы различать пары, необязательно минимальные, из заимствований либо из заимствования и исконно тагальского слова. Например, *pistá* [< исп. *fiesta*] «праздник, вечеринка, фестиваль» и *peste* [< исп. *peste*] «чума», *pusò* «сердце» и *poso* [< исп. *pozo*] «колодец» [Ibid: 738].

В разделе 3 (Воспроизведение испанских фонем в тагальском) С. Лопес дал детальный анализ фонемозамен в испанизмах. Вызывает сомнение, однако, возможность применения термина «дифтонг» к тагальским последовательностям типа «полугласный *y, w* + гласный» [Ibid: 743]. Несмотря на то, что вопрос о наличии дифтонгов в тагальском языке до сих пор не решен

окончательно⁹, он стоит только в отношении последовательностей *eu, au, ou, aw, iw*. Замену дифтонгов и стечения гласных в заимствованиях на «полугласный *y, w* + гласный» следует считать, на наш взгляд, результатом следующего ассимиляционного процесса: 1) эпентеза (вставка) *w/y* для разгрузки стечения гласных: напр., *suave* > **suwabe*, *piano* > **piyano*, *diario* > **diyaryo*; 2) диэрез (элизия, выкидка) предударного *i*, стоящего перед полугласным: *swabe*, *ryano*, *dyaryo*. Отметим, что выпадение безударного *i* при быстрой артикуляции характерно и для исконно тагальских слов (напр., *kan(i)yá* «его/ее», *d(i)yán* «там (недалеко от говорящего)»).

В разделе 4 (Типы воспроизведения испанских морфем в тагальском) С. Лопес разбивает на 15 групп различные виды искажения испанских лексем при их переходе в тагальский язык — элизии гласных и согласных, эпентезы, ассимиляция и диссимиляция фонем, монофтонгизация и т.п., хотя, возможно, классификацию этих явлений более целесообразно отнести к разделу фонетических изменений в заимствованиях. Остается сомнение в необходимости выделения групп 12 и 13 — «отклоняющиеся формы» («*aberrant forms*») и «формы-призраки» («*ghost-forms*») соответственно. К первой из них автор отнес искаженные заимствования с «неожиданными заменами», например: исп. *azadón* > таг. *asaról* «мотыга», *conserva*¹⁰ «консервировать джем, делать варенье» > *kusilbá* «фруктовые консервы или заготовки» [Ibid: 748]. Однако замены *d/r, r/l* и т.п. нам представляются довольно регулярными. В группу «форм-призраков» без видимой системы вошли испанизмы с разными типами искажений — от опрощения (исп. *hacer caso* «уделить внимание» > таг. *asikaso* «уделить внимание; занять себя чем-то») до элизии элементов и других фонетических изменений (*talento* «талант, дарование» > *talino* «талант, даровитость, сообразительность»). Напротив, чрезвычайно важным представляется выделение Ло-

⁹ Так, Фе А. Яп выделяет дифтонги [Уар 1970: 16], а М. Крус, Л. Шкарбан отрицают их наличие в тагальском языке, за исключением возможного дифтонга *eu* [Крус, Шкарбан 1966: 16–17].

¹⁰ На наш взгляд, исходной формой для заимствования был инфинитив *conservar*, что объясняет ударение на последнем слоге в тагальском варианте.

песом групп 14 и 15 – испанизмы, подвергшиеся гиперкоррекции («*hypercorrect forms*») или ложной интерпретации («*reanalysis*»). Например, по аналогии с фонетическими изменениями испанизмов типа *chinelas* > *tsinelas* «туфли», *chocolate* > *tsukulate* «шоколад» появились формы типа *tsulapa* [< *solapa*] «отворот, лацкан», *tsintsa* [< *cincha*] «подпруга»; исп. *domingo* «воскресенье» было ошибочно интерпретировано тагалами как содержащее тагальский глагольный инфикс *-um-*, вследствие чего элемент *dingo/lingo* выделился в самостоятельное корневое слово *Linggó* «воскресенье», *linggó* «неделя» [Ibid: 748–749]¹¹.

В 1969 г. в сборнике «*Asian and African Studies*» вышла небольшая статья Йозефа Гензора «Испанские заимствования в тагальском языке», в которой автор представил подробный список фонемозамен, имеющих место при переходе испанской лексики в тагальский [Genzor 1969].

Отечественный лингвист С.Я. Турина в статье «Об испанских заимствованиях в тагальском языке» [1976] отмечает, в частности, что, хотя лишь малую часть широкого пласта интернационализмов в тагальском можно с уверенностью отнести к заимствованиям из испанского языка (на основе явного звукового сходства лексем с испанскими прототипами), «даже исходя из конкретно-исторических условий Филиппин можно со значительной степенью вероятности предположить, что большая часть интернациональной лексики проникла в тагальский язык через испанский» [Турина 1976: 113].

В 1981 г. преподаватель испанского языка Университета Филиппин М. дель Кармен Санчес Асиаин представила кандидатскую диссертацию по теме «Дескриптивный анализ испанских лексических заимствований в некоторых филиппинских языках» [Asiain 1981]. Автор проанализировала результаты своих наблюдений за языковым поведением филиппинских

¹¹ Сомнительно, однако, что имела место предложенная Лопесом аналогичная интерпретация испанизма *kumustá* «как дела?», «приветствие» [< *como está*]: *k-um-ustá*. В этом случае *kustá*, очевидно, должен был бы стать свободным корнем, однако такой формы мы в тагальском не обнаруживаем. Напротив, *kumustá* в качестве неделимой основы используется, например, для построения глагола *magkumustá* «здороваться».

студентов — тагалов, бисайцев и илоканцев, — изучавших в ее группах испанский. Большинство из них регулярно по ошибке заменяло исконно испанские лексемы на их варианты, ассимилированные филиппинскими языками. Многие примеры снабжены комментариями, однако не со всеми из них можно согласиться. Так, не являясь носителем тагальского языка, автор ошибочно, по всей видимости, относит гласный *i*- в испанизмах типа *ipasa* «проходить, пропускать» (< *pasar*), *isará* «закрывать» (< *cerrar*) к протезам (надставкам) [Ibid: 131]. Протеза *i*- встречается в тагальских заимствованиях (в основном англицизмах, а в испанизмах это обычно измененная инициаль *e* оригинала) как средство для разгрузки стечения согласных в начале слова (напр., *istró* [< англ. *straw*] «соломка для питья», *istasyón* (< исп. *estación* «станция»). В приведенных автором глаголах инициаль *i* является, очевидно, тагальским аффиксом инструментального пассива (как, напр., в таг. *itapon* «выбрасывать»).

Ряд исследований посвящен испано-мексиканскому влиянию на Филиппинах, в том числе языковому [Bernal 1965: 117–120), Jose 1965: 77–108].

Так, известный историк-филиппинист Грегорио Ф. Сайде в работе «Мексиканское наследие филиппинской нации» [Zaide 1977] привел список из ста слов мексиканского происхождения в тагальском, или филипино, напр.: *palengke* (< *palenque*) «рынок», *tamales* (< *tamale*, -s) «острое блюдо из мяса и кукурузы, завернутых в листья банана» (привод. по: [Zaide 1979: 500]).

В 1965 г. Х.В. Панганибан опубликовал статью на испанском «Испано-мексиканское влияние в тагальском языке» [Panganiban 1965]. В работе автор привел примеры географических названий, имен святых и т.п., появившихся на Филиппинах вследствие испанского или испано-мексиканского влияния. Около 90 % от 107 найденных им заимствований мексиканского происхождения относится к ботаническим терминам. По мнению Х.В. Панганибана, в тагальском «насчитывается около пяти тысяч испанских слов, которые могут относиться и к испанскому языку Мексики или быть заимствованиями из науатля в испанский» [Ibid: 271].

Английские заимствования

Среди многочисленных работ, касающихся англицизмов в тагальском языке, для настоящего обзора были привлечены две: монография Росалины М. Гуле «Английский, испанский и тагальский: исследование грамматической, лексической и культурной интерференции» [Goulet 1971] и статья Хейнрика П. Кельца «Фонология языкового контакта» [Kelz 2000].

Работа Р.М. Гуле посвящена смешению английских, испанских и тагальских элементов в речи тагало-английских билингвов. Автор отдельно рассмотрела два уровня интерференции – а) лексические заимствования и б) искаженное (фонологически, лексически или грамматически) использование языка изучающим его лицом, «где ошибки спровоцированы моделями и навыками его родного языка».

На фонологическом уровне автор рассмотрела основные виды фонетических изменений при переходе испанских и английских лексем в тагальский язык и, в частности, дала подробный список наиболее частых фонемозамен в испанизмах и англицизмах.

На уровне грамматической адаптации инолексем («грамматического заимствования», по выражению автора) Гуле иллюстрировала многочисленными примерами широкие возможности аффиксации испанизмов и англицизмов в тагальском языке, где «практически любой сегмент речи может быть заимствован и номинализован, вербализован или адъективизован» [Goulet 1971: 28].

Отдельно Р. Гуле рассмотрела явление заимствования тагальским языком аффиксов из испанского и английского языков: например, переход англ. суффикса *-less*, выражающего отсутствие, из заимствований типа *isibles* (< *sleeveless*) «без рукавов», *taples* (< *topless*) «без верха; полуголый» в реципиент с последующим возникновением гибридов типа *panueloles* (< исп. *pañuelo* «платок, шейный платок») «без платка, непокрытый» [Ibid: 33].

В главе «Характеристика заимствования» рассмотрены психологические аспекты заимствования испанской и английской лексики филиппинцами. Автор, в частности, отмечает: «...несопротивление [филиппинцев] английскому языку достигло таких масштабов, что образованные билингвы выработали каче-

ственно новый “смешанный” язык, состоящий либо из тагальского ядра с испанскими и английскими заимствованиями, либо из английского ядра с испанскими и тагальскими заимствованиями» [Ibid: 47].

В работе «Фонология языкового контакта» профессор Боннского университета Хейнрих Кельц утверждает, что интеграция испанских и английских инолексем в тагальский язык происходит по определенным правилам, основные из которых 1) правило редукции, 2) правило нейтрализации, 3) правило простого замещения, 4) правило составного замещения, 5) правило элизии (дизреза, выкидки. — *Е.Б.*), 6) правило вставки, 7) правило ассимиляции (звуков. — *Е.Б.*) [Kelz 2000: 31]. Основываясь на указанных правилах, автор довольно наглядно проводит анализ фонетической ассимиляции на примере испанизмов и англицизмов в тагальском языке.

Среди исследований отечественных филологов-востоковедов проблема заимствований в тагальском отчасти затрагивалась в работах Е.Д. Поливанова, И.В. Подберезского, В.А. Макаренко, Л.И. Шкарбан [Поливанов 1918; Подберезский 1969; Макаренко 1970; Крус, Шкарбан 1966] и в монографии Г.Е. Рачкова [Рачков 1981]. Однако изучение заимствований в тагальском языке не являлось их основной задачей. Лексическую интерференцию, заимствования и переключение кодов на материале тагальского и английского языков много лет исследует другой филиппинист из СПбГУ, ученик Г.Е. Рачкова Ю.И. Студеничник, автор ряда статей и диссертации на эту тему [Студеничник 1990, 1991а, 1991б, 1991с, 2006а, 2006б, 2006с]¹².

Многочисленные пласты заимствований в тагальском языке (особенно арабизмы, малаизмы, яванизмы, возможные элементы из других азиатских языков) все еще требуют тщательных и разносторонних исследований, затрагивающих все виды их ассимиляции реципиентом. Характерно, что проблема недостаточного освещения некоторых аспектов при изучении заимствований актуальна и в отношении работ, посвященных другим языкам. Так, по замечанию Г.Ю. Князевой, основное

¹² К сожалению, на момент написания статьи (несколько лет назад) я не была знакома с работами Ю.И. Студеничника, что делает мой обзор далеко не полным.

внимание языковедов обычно уделяется этимологической характеристике заимствованной лексики, описанию ее различных семантических пластов, освещению исторических путей и причин проникновения элементов других языков. И гораздо меньше исследований посвящено жизни инолексем в языке-реципиенте, процессу их вхождения в новую языковую систему [Князева 1970: 124]. На наш взгляд, это пока спорно и в отношении работ по заимствованиям в тагальском языке.

Библиография

Бакланова Е.А. О видах лексических заимствований в тагальском языке // Вестник молодых ученых. Серия Филологические науки. СПб.: Санкт-Петербургский Научный центр РАН, 2006. Вып. 1. С. 53–60.

Князева Г.Ю. Понятие ассимиляции заимствований и методика ее исследования // Лингвистика и методика в высшей школе. М., 1970. Вып. V. С. 124–130.

Крус М., Шкарбан Л.И. Тагальский язык. М.: Наука, 1966.

Макаренко В.А. Тагальское словообразование. М.: Наука, 1970.

Подберезский И.В. Фонологическая система тагальского языка // Уч. зап. МГИМО (каф. русского и иностранных языков). М., 1969.

Рачков Г.Е. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. С. 216.

Студеничник Ю.И. Лексическая интерференция и национальное самосознание в многоязычном государстве (на примере Филиппин) // Проблемы функционального описания языковых единиц: Тез. межвуз. конф. Свердловск. 1990. С. 196–197.

Студеничник Ю.И. О лингвистических ограничениях двуязычного переключения кодов тагальский-английский // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия История, яз., лит. СПб., 1991а. 12 с. Депонировано в ИНИОН АН СССР.

Студеничник Ю.И. О месте переключения кодов в системе языковых контактов // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия История, яз., лит. СПб., 1991б. 15 с. Депонировано в ИНИОН АН СССР.

Студеничник Ю.И. О понятии «переключение кодов» // Актуальные проблемы лингвистики: Тез. Четвертых февральских чтений. Свердловск, 1991. С. 23–24.

Студеничник Ю.И. Tagalog vs. Taglish // Сборник Материалов по культуре Нусантары. СПб., 1995. С. 11–17.

Студеничник Ю.И. О лингвистических ограничениях тагальско-английского переключения кодов // Университетское переводоведение. Вып. 7. Материалы VII Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». СПб., 2006а. С. 468–475.

Студеничник Ю.И. Tagalog vs. Taglish (К проблеме разграничения заимствований и лексической интерференции) // XXXV международная филологическая конференция. Вып. 2. Актуальные проблемы переводоведения. СПб., 2006b. С. 49–52.

Студеничник Ю.И. Английско-тагальское переключение кодов в условиях двуязычия на Филиппинах: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. СПб., 2006.

Турина С.Я. Об испанских заимствованиях в тагальском языке // Восточное языкознание. М.: Наука, 1976. С. 113–120.

Asiain, Maria del Carmen S. A Descriptive Analysis of Spanish Lexical Borrowings in Some Philippine Languages. Quezon City: UP Diliman, Oct., 1981.

Baklanova E.A. Interference in Tagalog as a Result of Borrowing // *Pilipinas*. 2004 No. 42. March. Canberra: Philippine Studies Association of Australasia (PSAA). P. 95–116.

Bernal R. Mexico en Filipinas. Mexico, 1965.

Blake, Frank R. Sanskrit Loan-words in Tagalog // John Hopkins University Circulars. Baltimore, Maryland, 1918. XXII, 163 (June).

Burnouf E. Dictionnaire Classique Sanscrit-Fransais. Paris: Maisonneuve, Libraire-Editeur, 1866.

Chan Yap, Gloria. Sound Changes in Tagalog Words of Chinese Origin // Philippine Journal of Linguistics. Manila: LSP (Linguistic Society of the Philippines), 1973–1974. Vol. 4–5. № 1–2. P. 48–55.

Edwards E.D., Blagden C.O. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London, 1930–1932. Vol. VI.

English, Leo James. English-Tagalog Dictionary. Clayton (Victoria), 1965.

English, Leo James. English-Tagalog Dictionary. Manila: National Book Store Publ., 1977.

Francisco, Juan R. Notes on Probable Tamil Words in Philippine Languages. [Quezon City: s.n.], UP Main Library, 1965.

Francisco, Juan R. Sanskrit Loanwords in the Philippine Languages // Readings in Philippine Linguistics / Ed. by A. Gonzales, T. Llamzon, F. Otanes. Manila: LSP, 1973. Part 3. P. 678–736.

Francisco, Juan R. The Philippines and India. Essays in Ancient Cultural Relations. Manila: National Book Store, Inc., 1971.

Genzor, Joseph. Spanish Loanwords in Tagalog // Asian and African Studies. Bratislava, 1969. Vol. V. P. 11–14.

Goulet, Rosalina Morales. English, Spanish and Tagalog: A Study of Grammatical, Lexical and Cultural Interference // Philippine Journal of Linguistics, Special Monograph Issue. Manila, 1971. № 1, July.

Jose V. Panganiban, Influencias linguisticas en el lengua tagalog // Filipinas y Mexico. Manila, 1965.

Kelz, Heinrich P. The Phonology of Language Contact // Parangal kang Bro. Andrew / Ed. by Ma.L.S. Bautista, T.A. Llamzon, B.P. Sibayan. Manila: LSP, 2000. P. 30–37.

Kern, Heinrich. Sanskritsche Woorden in Het Tagala // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch Indie, 1880. Volg. 4, deel 4. P. 535–564.

Laktaaw, Pedro Serrano. Diccionario Tagalog-Hispano. 2a parte. Manila: Santos y Bernal, 1914.

Lopez, Cecilio. Foreign Influences in Tagalog // Philippine Review. 1944. Apr. Vol. II. № 2. P. 43–49.

Lopez, Cecilio. Tagalog Words Adopted from Spanish // Philippine Social Science Review. 1936. Sept. Vol. VIII. № 3. P. 236–246.

Lopez, Cecilio. Tagalog Words for Spanish Loan-words // Studies on Tagalog Lexicography: Publications of INL. Manila, 1941. Bull. № 6.

Lopez, Cecilio. The Spanish Overlay in Tagalog // Readings in Philippine Linguistics / Ed. by A.B. Gonzalez, T. Llamzon, F. Otones. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 1973. P. 737–766. First published in: Lingua, XIV. 1965. P. 467–504.

Makarenko, Vladimir A. Some Data on South Indian Cultural Influences in South East Asia. The history of the origin and development of the Old Filipino Script // Tamil Culture. Madras, 1964. Vol. II. № 1. P. 58–91.

Manuel, E. Arsenio. Chinese Elements in the Tagalog Language. Manila: Filipiniana Publs., 1948.

Ngamsutdi, Chinda. A Study of Sanskrit Loanwords in Thai and Tagalog, Thesis. Manila: UP Main Library, 1983.

Noceda, Frs. Juan de, San Lucar, Pedro de. Vocabulario de la Lengua Tagala. Manila: Imp. de Ramirez y Giraudier, 1860.

Panganiban, Jose Villa. English-Tagalog Vocabulary. Manila: Univ. Publ. Co, 1946.

Panganiban, Jose Villa. Influencia Hispanomexicana en el Idioma Tagalo // Historia Mexicana. Mexico, 1965, oct.-dic. № 2. P. 261–271.

Panganiban, Jose Villa. Spanish Loanwords in the Tagalog Language. Manila: Bureau of Print., 1961.

Ramos, Teresita V. Tagalog Dictionary. Honolulu: Univ. of Hawaii press, 1971.

Rubino, Carl R. Galvez Tagalog-English, English-Tagalog Dictionary. N.-Y., 2000.

Santos, Lope K. Isang Wikang Filipino // Talumpati. Manila, 1903. Sept., № 3.

Tavera, T.H. Pardo de. El sanscrito en la lengua tagalog. Paris, 1887 (repr. in UP Main Library, Manila).

Verstraelen M.E.J.G. Soundshifts in some dialects of the Philippines // Anthropos, Fribourg, 1962. Vol. 57, fasc. 3/6. P. 826–856.

Wolff, John U. Malay Borrowings in Tagalog // Southeast Asian History and Historiography Essays presented to D.G.E. Hall / Ed. by C.D. Cowan, O.W. Wolter. Othaca; London: Cornell Univ. Press, 1976.

Yap, Fe Aldave. The Sounds of Pilipino. Manila, 1970.

Zaide, Gregorio F. Mexican Heritage of the Filipino Nation. Manila: Unpublished MS, 1977.

Zaide, Gregorio F. The Pageant of Philippine History, Political, Economic and Socio-Cultural: In 2 vol. Manila, 1979.

Zorc, David Paul. Core Etymological Dictionary of Filipino, fascicle 1, a-b. Public Domain. 1979. Aug.